Оглавление

Пролог 5
Глава 1. Выбор пути 14
Глава 2. На летних гнездовьях 30
Глава 3. Через болото 39
Глава 4. Злая куколка 62
Глава 5. Кто-то ходит вокруг 76
Глава 6. Пустая избушка 85
Глава 7. Хиттавайнен 97
Глава 8. Под горами 109
Глава 9. Величайшее сокровище Карху . . . 120
Глава 10. Сломанная стрела 136
Глава 11. Нет прощения предателю 146
Глава 12. Зимняя страна 154
Глава 13. Клан Сюэтар 165
Глава 14. Память огня 176
Глава 15. Ярьямёйнен 186

Глава 16. Что делать, куда идти? 195
Глава 17. Битва за ветер 203
Глава 18. Оружие богов 212
Глава 19. Кровная месть. 230
Глава 20. Замурованное гнездо 242
Глава 21. Опасное свидание 250
Глава 22. Встреча в ночном лесу 257
Глава 23. Воздушная тюрьма. 274
Глава 24. Материнское заклятие 285
Глава 25. Два оборотня 301
Глава 26. Путь в Луотолу 309
Глава 27. Огненные врата Хорна 320
Глава 28. Встреча со Смертью 337
Глава 29. На юг!. 353
Глава 30. Битва за сампо 364
Глава 31. Почти дома 373
Глава 32. Внутри вихря 381
Глава 33. Превращение Карху 393
Эпилог 406

Пролог

Корабль приближался к берегу. Шли на веслах, выгребая изо всех сил. Порывистый северный ветер сносил драккар обратно во фьорд, словно не желал пускать его в Луотолу, главную гавань Похъёлы. Слишком холодный ветер для конца лета, пусть даже лета похъёльского.

Варг Ульф Комар — удачливый вождь, гроза побережий, воин и грабитель, при случае и купец — греблей не утруждался. Он стоял на носу драккара, положив руки на пояс, и недовольно оглядывался по сторонам. Ну и гнусная же местность эта Луотола! Вот уж воистину обиталище крылатых оборотней!

Высокое и бледное выстуженное небо. Тускло-серое угрюмое море. А между морем и небом — один только черный камень скал, весь изрезанный огромными кривыми трещинами, словно некий великан рубил берега мечом. Прежде тут хоть какая-то трава росла, прибрежные камни укрывал мох, пучки водорослей колыхались в прибое. А теперь — ничего. Мертвые скалы, пустые воды. Кажется, будто уже настала зима, хотя до нее еще месяца два.

«Надо будет непременно уйти отсюда до начала бурь», — в который раз подумал Ульф. Осенние бури в коварном Закатном море особенно страшны.

Все здесь было пропитано тревогой. Скрытая опасность невидимо разливалась и в воде, и в воздухе, а особенно — в этих черных скалах. Утесы над морем вздымались почти отвесно, отгораживая гавань и гнездовья от внутренних областей Похъёлы. Где-то за горами время от времени раздавался далекий грохот и гул, будто сходили лавины. Но какие лавины летом?

Да, прежде тут не было так мрачно. В скалах — тюлени, в море — косяки трески, на берегу — люди. В гавани теснятся суда. Небо полно чаек и иных крылатых… созданий. И где они все теперь?

«А слухи-то не врали, — подумал Ульф не без удовлетворения. — Туны, похоже, в самом деле бросили свое гнездовье! Конечно, все сокровища они унесли с собой. Но вдруг что-то забыли впопыхах?»

Чем ближе к берегу они подплывали, тем явственнее становилась картина запустения. Не только исчезла вся живность — сами горы изменились. Крутые склоны прочертили следы недавних оползней, а половина гавани была погребена под каменными обломками. Ульф прищурился, высматривая среди руин поросшую мхом крышу своего склада.

— Не могу сладить с этим ветром, — раздался рядом с ним хриплый голос.

К хевдингу, пошатываясь от усталости, подошел Лакс, заклинатель погоды, знаток рун и скальд — что, впрочем, не мешало ему быть таким же разбойником, как Ульф.

— Вот уж воистину проклятая земля! Слухи говорят, во всем виновата старая ведьма Лоухи. Дескать, она своим колдовством вызвала гнев богов… Что же тут случилось?

— Что, что… — проворчал Ульф, рыская взглядом среди осыпей. — Земля тряслась, и скалы упали. Раньше не видел, что ли, как это бывает? Ага! Вот они, мои склады! Слава Одноглазому, оползень прошел стороной! А вон еще дома уцелели. Ух, пошарим тут сейчас! Гребите к берегу!

— Погоди! — перебил его скальд. Взгляд его затуманился. — Там неладно. Что-то нас поджидает там. Чувствую — *оно* нас уже увидело…

— Что еще за «оно»? — раздраженно спросил Ульф. — Тролли? Оборотни?

Лакс отер со лба пот холодной рукой.

— Не понимаю, — бормотал он. — Это нечто — не от нашего мира. Оно не враждебно и не дружественно, но мы перед ним — что пена на волнах. Оно все и разрушило…

— Ну и что с того? — буркнул хевдинг. — Высадиться-то можно или нет?

— Я пока не пойму. Не мешай, дай послушать…

Ульф пожал плечами и замолчал. А скальд снова зажмурился, чтобы обычное зрение не мешало ему скользить вниманием по той грани Изнанки, откуда приходят песни, проклятия и пророческие видения. Лакс слушал… и вдруг руки у него задрожали и пот снова потек по спине. Он понял, что это «нечто» видит его и точно так же прислушивается к нему. Оно с легкостью видит его насквозь, читает его мысли и мысли всех на этом драккаре — нет, не мысли, желания! И от них, от желаний, будет зависеть, как с ними поступят…

— Надо поворачивать! — с трудом выговорил он, открывая глаза. — Скорее, назад!

— «Поворачивать»! — передразнил Ульф заклинателя. — Там у меня осталось тюленьих шкур, кито-

вого жира и рыбьего зуба столько, что хватит на три таких корабля вместе с командой и с тобой в придачу. Думаешь, я все это оставлю тут гнить? Нет уж!

— Хочешь гнить рядом? — хрипло спросил скальд.

Хевдинг взглянул злобно, отвернулся и крикнул:

— Гребите к берегу!

…Крошечный кораблик качается на волнах. Скорлупка, рыбья чешуйка… Даже забавно: такой беспомощный, такой уязвимый, и все же ползет вперед, упрямо выгребая против ветра. Достаточно уронить в море скалу — да хоть бы вон ту, которая и так еле держится, — чтобы его накрыло волной. Один всплеск, и снова станет тихо и спокойно.

А вот существа на палубе… Как просты и ясны их желания — мелкие, глупые. Жажда наживы. Желание жить. И всё. Обычные помыслы смертных. Они могут воплотиться и сами, волшебная мельница им не нужна.

Всё, корабль больше не интересен.

«Убей их!»

Другое, могучее желание приходит откуда-то из холодных темных глубин. От той, что всегда желает смерти и не может насытиться. Но к чему убивать? Это всего лишь обитатели Мидгарда, однодневки, даже не чародеи. Они скоро умрут сами, а их желания не имеют никакого значения.

И они ничего не знают о сампо. Да если бы и знали…

«А я говорю — убей! Иначе вскоре они вернутся, только их станет вдесятеро больше. И могут привести с собой других, более опасных! Тех, кто знает о тебе, у кого есть сила…»

Сампо не отвечает. Оно не видит причин губить однодневок. Оно и не создано для убийств. Оно еще помнит, что когда-то было частью Древа, родственного всем деревьям и всем скалам в мире. Древа, рожденного самой Вселенной, чтобы дарить трем мирам жизнь, а не гибель. Быть основой порядка, а не хаоса.

Но могущественному желанию, приходящему из темных глубин, трудно сопротивляться. Мало что в мире сильнее, чем желание бога. Или богини.

Сампо уже давно не та ручная мельница, в которую Лоухи положила кусочек коры Мирового Древа. Теперь это огромное дерево, чьи ветви и корни змеятся в темноте подземного мира, разрушая изнутри горы Похъёлы. Огненная лава течет по жилам земли, пробуждая новые ростки. И сампо растет, подгоняемое злобной волей из глубин. Растет против всей своей природы — вниз…

Прямо сквозь подземный огонь — к смертельному холоду Хорна, мира мертвых.

Сампо сопротивляется. Оно не хочет расти туда, куда его подталкивает могучая воля Калмы. Там тьма, холод и боль, там нет пищи для корней. Там ему суждено превратиться в нечто такое, чему в трех мирах и названия нет. Великое желание Калмы — чтобы побег Мирового Древа рос вниз, в Хорн — отвратительно самим законам мироздания.

Но сампо было создано, чтобы выполнять желания.

«Мир крутится вокруг Мировой Оси, только потому что его двигают желания богов. Если бы они исчезли, время бы остановилось. И тогда Мировая Ось станет ненужной — и переломится под тяжестью неподвижной Вселенной».

Так нашептывает Калма, богиня смерти.

«Теперь ты моё. Поэтому выполняй мои желания. Повинуйся».

Скала над Луотолой начинает потрескивать, вниз с шорохом бегут мелкие камешки. Скоро ее вершина упадет во фьорд, и волна слизнет кораблик, как муху…

«Еще одни! С севера!»

Теперь желание смерти из глубин становится сильнее и определеннее. Вот и явились те, кто знает про сампо. За ним-то они и пришли. Забрать его! Украсть!

Ненависть Калмы передается молодому Древу.

Трещина перестает расширяться, скала застывает на месте. Кораблик забыт. Всё внимание сампо — на север. В сторону Внутренней Похъёлы.

— Клянусь ледяными Вратами Хорна! Вы гляньте, что тут творится!

— Да-а… и месяца не прошло, а Луотолу не узнать. Будто и не было тут никогда нашего гнездовья…

— Заткнитес-сь, — прошипела Лоухи.

Три туна стояли на выступе скалы, издалека обозревая горный хребет, отделяющий внутренние области страны от моря. Лоухи, теперь уже бывшая Хозяйка Похъёлы, и два ее родича, которым она еще могла доверять. Оба были немолоды, многоопытны и искушены в колдовстве, но не смогли удержаться от возгласов изумления, увидев, во что за считаные дни превратилось их родное гнездовье.

«Но почему? — со злобой и отчаянием подумала Лоухи. — Что я сделала не так?! Когда допустила ошибку?»

Скалистый хребет растрескался, как лед в жаркий день. В глубоких извилистых трещинах рдела лава. Со всех сторон поднимались в воздух удушливые испарения, что просачивались из растревоженных недр. Земля дрожала, над горами стоял монотонный гул.

— Нам туда нельзя, — убежденно сказал один из тунов. — Там смертельно опасно. Для тебя, Лоухи, — особенно.

Лоухи поморщилась. Она и сама это чувствовала, причем получше других. Знала: сампо хочет ее гибели. Подумать только, сампо — *её* сампо — стало ей враждебно! Эта нелепая деревянная мельница, над которой она вначале посмеивалась, которую так долго к себе приучала, и сама училась с ней управляться — чем она теперь стала? И главное, почему?!

— Надо все же попытаться, — угрюмо сказала Лоухи. — Давайте-ка слетайте на разведку!

Оба родича нахально сделали вид, что не расслышали. Время, когда Хозяйке Похъёлы было достаточно сказать «я желаю», увы, закончилось.

— А, чтоб вас пожрали демоны Хорна! Полетели вместе! В пещеру можете не заходить, я спущусь одна. Если со мной что-то случится…

Лоухи замолчала. Хотела было сказать: «Новой Хозяйкой Похъёлы станет дочь моя Ильманейтси», но промолчала. Какая еще Хозяйка, у которой даже гнезда своего нет?

— Ладно, полетели, — нехотя произнес старший тун, расправляя перья. — Ветер северный, авось проскочим. Попробуем подняться повыше над хребтом.

Оборотни распахнули сизые крылья. Вскоре три крылатых существа, издалека похожие на орлов, уже

поднимались все выше и выше, к самым облакам, оставляя горы далеко внизу.

Но стоило им поравняться с первыми отрогами барьерного хребта, как прямо перед ними проснулся вулкан.

Издалека это выглядело даже красиво. Разверзлась гора, и в воздухе с обманчивой неторопливостью выросло облако пепла. Оно вздымалось, кудрявясь, словно крона дерева на ветру. У его корня мерцало слепящее пламя.

Туны одновременно склонились на левое крыло, огибая плотное облако. И тут в уши им ударил ужасный рев. И удар ветра — с юга.

Лоухи, не раздумывая, повернула обратно и изо всех сил понеслась к северу. Краем глаза увидела, что ее родичи сделали то же самое. Но они не успевали. Волна горячего, вязкого воздуха ударила их, закружила, швырнула вниз. Ветер был не просто горяч, а ядовит и полон частичек пепла. В нем нельзя было лететь. Им было невозможно дышать. Туны не могли даже взмахивать крыльями. Их несло помимо воли, словно птиц, попавших в бурю. Их окутала тьма. Воздух стал как камень… а потом исчез вовсе.

— Мать Калма! — воззвала Лоухи, хрипя и задыхаясь. — Спаси, помоги!

…Спустя долгое время облако пепла отнесло ветром к востоку, и оно неторопливо уползло, оставив под собой плоскогорье, покрытое густой и горячей черной грязью. В грязи что-то трепыхалось. Кашляя и бранясь, Лоухи выбралась из липкой каши и кое-как поднялась на ноги. Протерла глаза, огляделась и застонала. Вдалеке по-прежнему извергался

вулкан, выбрасывая к небу огненные фонтаны лавы. От родичей не осталось и следа.

— Мать Калма! — прохрипела Лоухи. — Ну за что ты так со мной?!

Она и не догадывалась, что на этот вопрос есть совершенно определенный ответ.

…Только что высадившиеся на берег варги замерли и подняли головы. Гул, доносившийся с той стороны гор, резко усилился. Над гребнем, клубясь, поднималось огромное облако пепла.

— Надо уходить! Немедленно! — проорал Лакс прямо в ухо Ульфу.

Но хевдинг колебался:

— Ветер вроде бы меняется. Давайте бегом к складу и тащим на корабль все, что подвернется!

Ответом на его приказ был крик одного из гребцов. Тот показывал не на вулкан за горой, а на скалу, нависшую над гаванью. Скала медленно отделялась от горного склона, трещина росла на глазах.

— …не раздавит, так смоет! — долетел крик сквозь усиливающийся грохот.

Ульф стиснул челюсти, бросил последний тоскливый взгляд в сторону складов и заревел:

— Видно, боги против нас сегодня! Отплываем!

Волна от упавшей скалы догнала их уже в море. Качнула, подбросила, корабль заскрипел, но выдержал. И, подхваченный северным ветром, стремительно поплыл восвояси — чтобы больше сюда не возвращаться.

Глава 1

Выбор пути

Маленький отряд шел через осенний лес. По ночам над землей поднимался туман и стоял в воздухе до позднего утра. В тумане влажно чернели стволы елей и сосен. Березы уже облетели. Под ногами трещали черничники, чавкала грязь, мох облеплял каньги.

Далеко позади осталась безымянная речка — приток Яннего, по которой Ильмаринен и его друзья держали путь к северу. Плыть на однодревках в преддверии зимы — невеликое удовольствие, но все понимали, что это была самая легкая часть пути. Когда впереди возник красноватый гранитный утес — знак, о котором предупреждал Вяйнемейнен, — пристали к берегу. Речушка ушла дальше, сворачивая к востоку, в земли саами.

На берегу поджидала охотничья стоянка: пустая замшелая землянка с провалившейся крышей. Последний раз тут, видно, останавливался сам Вяйно лет сто назад. Задерживаться не стали — спрятали под уцелевшим навесом лодки и дальше пошли пешком. В сыром тумане, в сонной тишине.

В поход они выступили впятером. Как ни настаивал Ахти, как ни возмущался, а пришлось ему отправить своих воинов обратно на Лосиный остров.

«Два десятка вооруженных парней — это, считай, вторжение, — сказал Вяйно. — А пятеро пройдут — никто не заметит».

И вот теперь пятеро шагали через лес на север — а в небе над ними последние косяки птиц улетали на юг.

Впереди — темная Похъёла, земля колдунов, где поклоняются Калме, богине смерти. Калма подстроила так, чтобы похъёльская колдунья Лоухи добралась до корня Игдрасиля, Мирового Древа, раздобыла кусочек священного Древа и сотворила сампо — волшебную мельницу, исполняющую желания. Но сампо оказалось старой колдунье не по зубам. Исполняя желания смертных, оно исподволь начало разрушать строй мироздания. Как изначально и задумала Калма.

Так сказал вещий старец, мудрый Вяйнемейнен.

«Так что, Ильмо, придется тебе идти в Похъёлу, — сказал он бывшему ученику. — С тобой благословение богов и предков — то есть, считай, моё. Отбери сампо у Лоухи, пока она по своему невежеству не погубила весь мир».

Легко сказать — отбери! Не слишком-то рад был Ильмаринен его словам, но против благословения богов не попрешь. Ильмо не был ни мудрецом, ни великим воином. Сирота, чуждый собственному роду, он проводил в лесу куда больше времени, чем в родном селении. Умел охотиться, немного колдовать — а больше и ничего о нем не скажешь… Но, похоже, именно на него указало похъёльское пророчество: *«Сампо похитит человек из рода Кале-*

ва!» Поэтому Лоухи послала сына, чародея Рауни, чтобы тот нашел и убил Ильмо. Но Рауни погиб, а пророчество стало известно в землях карьяла.

И вот теперь Ильмо тайно отправляется в Похъёлу добывать сампо. Родичи, боясь мести страшной Лоухи, радостно выпроводили его из дому. Ильмо понятия не имеет, что будет делать в Похъёле. И что там за волшебная мельница? Никто из людей ее даже не видел!

С ним идет его старый друг Ахти Каукомьели — отважный воин, путешественник, искатель приключений. Много лет он странствовал с варгами по Закатному морю, открывая новые земли и попутно их разоряя. Именно этим он надеется заняться и в Похъёле.

Третий — Аке Младший, кормчий из племени варгов. Когда-то его отец служил Хозяйке Похъёлы и участвовал в том самом походе к корням Мирового Древа, когда и было обретено сампо. Аке хочет найти Лоухи и снять со своего рода проклятие богов — чтобы зажить, наконец, благополучной и мирной жизнью. Для варга, конечно.

Четвертый — Йоукахайнен, молодой саамский нойда. Он родился в Похъёле и еще недавно служил тунам, но его хозяин Рауни погиб и теперь он хочет стать учеником Вяйно. Йоукахайнен — самый полезный человек в этом походе. Он единственный из всех знает обычаи Похъёлы и язык тунов. К тому же он, несмотря на молодость, опытный колдун. А идут они в такие места, где без колдуна можно сразу ложиться и помирать.

Пятый — маленький угрюмый подросток Калли, холоп Ильмаринена. Никто с ним особенно не считается. И напрасно…

— Эй, парни, стойте!

Ахти, шагавший первым, остановился.

— Что там? — спросил Ильмо.

Прямо перед ними росла высоченная сосна, а за ней, куда хватало глаз — дикая россыпь валунов. Ах, вот оно что. Предстояло снова выбирать дорогу.

— Куда идем? — громко спросил Ахти. — Налево или направо?

Ильмо и Йоукахайнен одновременно показали в разные стороны и хором сказали:

— Туда!

Они переглянулись, обменялись усмешками.

Вдруг позади них раздался холодный глубокий рык, гулкий и раскатистый, как из колодца. Все застыли. Аке схватился за рукоять секиры. Ильмо быстро оглянулся — и рассмеялся. Позади него на дереве сидел огромный ворон, которого Вяйно послал приглядеть за ними. Ворон приглядывал так ненавязчиво, что о нем все давно забыли.

— Ого! — воскликнул Аке. — Вот это голосище у вещуна! И что он хочет нам сказать? Давай-ка, финн, истолкуй!

Йоукахайнен вместо ответа повернулся к Ильмо и спросил:

— Почему ты выбрал левую дорогу?

Охотник покачал головой. Казалось бы, и справа, и слева от каменной россыпи был всё тот же лес. Но лес, что слева, определенно нравился ему больше.

— Справа — лес как лес, самый обычный, — сказал он, словно оправдываясь. — А слева, сами посмотрите: и посветлее, и тропа идет повыше, так и манит…

— В том-то и дело, — проворчал юный нойда.